
СПЕЦИФИКА ТРАВЕСТИРОВАНИЯ ЦЕРКОВНОГО КАНОНА И АГИОГРАФИЧЕСКОГО «ТРАФАРЕТА» В ПОВЕСТИ А. ПЛАТОНОВА «ГОРОД ГРАДОВ»

О.Ю. Алейников

Российского университета дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье исследуется специфика травестиrowания элементов «Великого канона» Андрея Критского и житийного «трафарета» в повести А. Платонова «Город Градов». Предпринимается попытка установить творческие стратегии, которые при этом избирались писателем.

Ключевые слова: травестиrowание, церковные жанры, агиографический трафарет, художественный текст, проза Платонова, творческие стратегии.

По сравнению с прозой других советских писателей-сатириков «платоновское преувеличение более реалистично в своей основе», отмечал Л. Е. Кройчик в статье, опубликованной в первом сборнике научных трудов о творчестве А. Платонова. «Ненормальное признается нормальным, потому что это ненормальное является нормой, эталоном жизненных взаимоотношений. Градовцы обитают в иной — отрицательной — системе координат. Поэтому все то, что естественно в обычном мире, для них представляется фантастикой, бредом, и наоборот — их собственные нелепые деяния выглядят закономерными и единственно верными» [6. С. 119]. В наши дни расставляются новые, когда-то неприемлемые для цензуры акценты: «Сатира двадцатых годов активно искала уязвимые места режима. Сатирики-скептики (М. Булгаков, Е. Замятин) не верили, что зло победимо, сатирики-романтики (И. Ильф, Е. Петров, В. Катаев, В. Маяковский) надеялись на лучший исход. Сатирики-реалисты (А. Платонов, М. Зощенко, П. Романов) понимали, что бюрократическая машина сильна и исход схватки с ней неясен» [7. С. 154].

К сказанному, однако, следует добавить, что «не похожий на других» Платонов, не приемля бюрократический дискурс, продолжал и развивал в своем творчестве традиции русской демократической сатиры, востребованные в переходные эпохи и направленные против социальных явлений, претендующих на важное место в судьбах человека, общества, государства.

Предметом «развенчания» и разуподобления в такие эпохи служат дискредитировавшие себя формы общественной и государственной жизни. Так, еще в период становления русской сатирической литературы в «Повести о Шемякине суде» пародировалось судебное делопроизводство, в «Службе кабаку» — «церковная службу мученику», изображение которой с «потешными» задачами когда-то расценивалось как святотатство, и образованным книжникам и «правщикам» приходилось разъяснять ревнителям истинного благочестия, что «увеселительным» способом ниспровергается не православная церковь, а кабак, его постоянные посетители, их нравы, «свычай и обычай» [1. С. 109].

«На перевале» первого пооктябрьского десятилетия художественные решения Платонова, затрагивавшие церковные атрибуты в их двусмысленно-ироническом соотношении с революционной явью, редакторы и литературные критики воспринимали как «кошунство» по отношению к новой идеологии и советскому государству (в «Сокровенном человеке», например, Пухов считает «ошибкой революции» изображать Троцкого как архистратига Георгия, поражающего копьем «буржуя-гада»; в «Городе Градове» ответственный работник государственного аппарата опасается, что его за непосещение собраний зачислят в язычники, сигареты «Красный инок» популярны у советских служащих; в «Чевенгуре» как мученицу за новую веру почитают пятидесятилетнюю «девушку» Розу Люксембург и т.п.).

Между тем аналогии и параллели с русской сатирой партийные теоретики и публицисты использовали очень осторожно, с оговорками и уверениями в абсолютной лояльности к социалистическому строительству: «Если «отвлечься» от хода исторического развития, от соотношения классов, от растущего социализма, от всей исторической перспективы, т.е. если посмотреть глазами «малого рассудка», то можно было бы прийти в замешательство от некоторых картин нашего «управленческого» быта, — заявлял Н. Бухарин. — Галерея щедринских героев, перекусивших свои штаны, напяливших на себя другие исторические костюмы, могла бы без особого труда быть обнаружена в нашей действительности.

Можно было бы найти и указы о «пирогов печении»; можно было бы открыть и самых настоящих «ташкентцев» (ср. напр., недавнее дело об ирригации); можно было бы вытащить на свет божий героев, единственным лозунгом которых является святой пароль «тащить и не пущать»; можно было бы взять на мушку «Органчиков» и Угрюм-Бурчеевых, гоголевских «ревизоров» и грибоедовских молчалиных; можно было бы наблюдать и сцены «у парадного подъезда», получившие название «бюрократизма и волокиты». И многое, многое другое из области той грязи и свинства, которые мы еще волочим за собою, предстало бы перед нами в своей далеко не привлекательной нагоде.

Нужно, однако, не только видеть эти красоты «дней нашей жизни». Нужно уметь понять их, прощупать их корни, чтобы быть не рыцарями печального образа, сопливыми нытиками, надоедливими «критиканами», вечно брюзжащими, вечно недовольными, носящими в себе ядовитое семя хандры, пессимизма, «разочарованности», а активными и бодрими борцами со злом, которые критикуют, чтобы действовать, бороться, бить, уничтожать, преодолевать, исправлять» [2. С. 5].

Изображенный в «Городе Градове» новый «герой времени» — преуспевающий при любой власти чиновник Бормотов, сравнивающий учрежденные советской властью порядки с церковными, был столь узнаваем и, по мнению редакторов-коммунистов, столь одиозен, что при первом знакомстве с текстом повести издатель Г.З. Литвин-Молотов, много лет наставлявший Платонова на литературной стезе, предложил решить сюжетную судьбу этого персонажа однозначно: за все «заслуги» препроводить его в тюрьму.

Показательны и редакционные изменения, внесенные в текст. В редакции повести, опубликованной в 1927—1929 гг., описание пирушки по случаю «двадцати-

пятилетия службы в госорганах» начальника административно-финансового отдела выглядит следующим образом: «Бормотов хлебнул пивца для голоса, оглядел подведомственное собрание... Так вот, я и говорю, что такое уком? А я вам скажу: секретарь — это архиерей, а уком — уездная епархия. — Верно ведь? — Раньше в уездах епархий не было, а теперь есть, потому что вера пошла новая и посерьезней православной! Теперь на собрание — ко всеобщей — попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш билетик, мы отточку там сделаем. Так-то!» [9. С. 146].

В более ранней редакции произведения подробности личной биографии Платонова (его исключили из кандидатов в члены ВКП(б) за отказ посещать собрания и политзанятия) и — главное — неприятие писателем попыток обожествлять государственный аппарат акцентированы значительно сильнее: «Раньше в уездах епархий не было, а теперь есть, потому что религия пошла новая и посерьезней православной! *Раньше ты не причастился — с тебя не взыщется*, а теперь на собрание — ко всеобщей — попробуй не сходи! Давайте, скажут, ваш *партбилетик*... кто в епархии делопроизводство поставил и всю новую веру оформил — сильнее православия ее сделал?» [8. С. 106].

Отношение Платонова к православной обрядовой традиции уже затрагивалось в научной литературе [2. С. 39—53]. Нареченный Андреем по святым в честь Андрея Стратилата писатель в новую атеистическую эпоху указывал вместо дня своего рождения (28.08.1899 г. по новому стилю) свои «именины», приуроченные ко дню памяти этого святого — 1 сентября (составители энциклопедических справок и жизнеописаний до сих пор путаются в этих фактах). Сын писателя Платон был крещен в присутствии родителей и восприемников в «красный» день советского календаря — 7 ноября 1922 г.

Тем более важно подчеркнуть, что решение писателя использовать элементы церковных жанров и православной службы в сатирическом произведении было обусловлено отнюдь не его стремлением включиться в антирелигиозную пропагандистскую кампанию, развернутую во второй половине 1920-х годов с подачи Бухарина и других функционеров и «теоретиков» большевистской партии. Напротив, решая творческие задачи, Платонов использовал для осмеяния социально опасных явлений, порожденных новой советской реальностью, знакомые ему (и его современникам) элементы церковных текстов — агиографических произведений и «Великого канона» Андрея Критского. По свидетельству братьев писателя, именно этот святой почитался в их родительском доме. Сошлемся также на слова Семена Платоновича Климентова, сообщившего участникам Первых Платоновских чтений, что в годы работы губернским мелиоратором Платонов продолжал «ходить ко всеобщей. В дни поста его встречала в храме мать Мария Васильевна».

Согласно церковной традиции, «Канон Андрея Критского» читается по дням на первой неделе Великого поста, на малой вечерне перед всеобщим бдением и в дни малых постов, когда совершается служба с «Аллилуйя», которая «отличает постный порядок от обычного» [5].

Этот церковный текст и элементы сопровождающей его службы травестированы в «Городе Градове» в эпизоде пирушки, устроенной в честь 25-летия «службы в госорганах» Бормотова (описания этого застолья в разных редакциях произведения не совпадают). Градовцы, пришедшие на вечеринку, некоторое время «постятся», попивают один лишь чай, но их речи во славу «юбиляра», начавшего работать в канцелярии еще до революции, становятся все проникновеннее и произносятся со все большим пафосом, как только вместо постного чая появляется водка.

По законам жанра травестии церковная служба в платоновской повести замещается суррогатами — службой казенной, не отличимой от пьянства. «Русскую горькую» один из счетоводов, пришедший на вечер, сразу же называет ядовитым веществом, заменяющим «музыку», «пение», «веру» — все, что объединяет верующих, приходящих на церковную службу. И уточняет, соизмеряя свои слова с важностью служебного момента, что ничего духовного он не признает: «то буржуазный обман...» [9. С. 145].

Бормотов «путает» пребывание за столом в пьяной компании со служебными обязанностями делопроизводителя: «Выпьем, товарищ, Обрубаев, там видно будет!.. Соня, ты не спишь там? Угощай товарища Обрубаева — займись чистописанием...» [9. С. 151].

Как известно, в «Каноне Андрея Критского» воздается слава мученику, добродетельная жизнь которого достойна подражания. И «герой» градовского вечера претендует на роль страдальца и мученика — только на стезе государственной службы: «Я страдалец, друзья, душа моя горька и ничто ее не растрогает... Всю жизнь я спасал Градовский уезд!» [9. С. 145].

Характеристики «мученика» и далее сопровождают поступки этого персонажа. Отбив на пирушке нападки высокопоставленного врага-интригана, «Бормотов прикинулся благодушным человеком, сощурил противоречивые утомленные глаза и, истощенный повседневной дипломатической работой, вдарился бессмысленно плясать, насилуя свои мученические ноги и веселя равнодушное сердце» [9. С. 152].

Недаром «юбиляр» рассматривает свою деятельность в глобальных масштабах: «Мне бы царем быть на всемирной территории, а не заведовать охраной материнства и младенчества своих машинисток или опекать лень деловодов!..» [9. С. 147]. Градовские чиновники считают всевозможные служебные ухищрения столпа местной бюрократии примерами «замечательного администрирования», достойного подражания и прославления.

Аллюзивным напоминаям о церковной службе служат самонадеянные реплики Бормотова, переделывающего слово «премудрость», произносимое в храме перед чтением текста Священного писания, во внешне похожий риторический вариант для привлечения внимания всех собравшихся «единомышленников» к тому, что он называет «откровением века»: «Мы за-ме-сти-те-ли пролетариата... Чувствуете мудрость?.. *Воевал пролетарий, а победил чиновник*. Поэтому-то так называемый... бюрократ есть как раз зодчий грядущего членораздельного социалистического мира...» [8. С. 107].

Но замысел писателя состоял и в том, чтобы этой риторической фразой акцентировать внимание читателя именно на этой сентенции Бормотова, в автор-

ском варианте не пропускаемой цензурой, но принципиально важной для художественной концепции произведения.

«Великий канон» Андрея Критского называют «покаянным» или «умилительным»: в ходе чтения слушателям открываются деяния, события ветхозаветной и новозаветной историй, побуждающие исповедаться в прегрешениях. Напомним также, что на малой вечерне исполнение этого «Канона» возлагается на чтеца, от которого требуется с особым благоговением, кротким, «умиленным голосом» произносить текст этого творения.

В первой редакции «Города Градова» на скрытом от чужих глаз вечере пытался проникновенно читать свои «Записки государственного человека» Иван Федотыч Шмаков. Благодаря ему и Бормотову, «плачущему и ликующему», в эпизоде вечеринки есть место окарикатуренному, пьяному «умилению», отсылающему читателя к травестированному обряду церковной службы, — но никак не покаянию. Ср.: «Шмакову стало жаль его, жаль труженика на ниве всемирной государственности, и он заплакал навзрыд, уткнувшись во что-то соленое» [8. С. 92].

На наш взгляд, Бормотов и Шмаков «выступают вместе, поддерживая и дополняя друг друга», не только потому, что «они стоят на ступеньку выше... по служебной лестнице» [4. С. 14]: в сюжете повести у этих героев разные «амплуа».

Роль «умиленного чтеца» в эпизоде юбилейного вечера отведена Ивану Шмакову. Характеристики этого чиновника, рассыпанные по тексту «Города Градова», соотносятся с элементами житийного «трафарета», пародийно переосмысленного, но неизменно напоминающего о перелицованном образце.

Надо сказать, что «прологом», уведомляющем читателя о замене агиографии сатирическим взглядом на современность, служит пародирование писателем стиля безграмотных, но повсеместно растиражированных атеистических циркуляров «для сведения», сообщавших о былых «достопримечательностях» провинциальных земель. В тексте читаем: «Одних мощей Градов имел трое: Евфимий-пещерник, Петр-женоненавистник и Прохор-византиец; кроме того, здесь находились четыре целебных колодца с соленой водой и две лежачих старушки-прорицательницы, живьем легшие в удобные гроба и кормившиеся там одной сметаной. В голодные годы эти старушки вылезли из гробов и стали мешочницами, а что они святые — все позабыли, до того суетливо жилось тогда» [9. С. 111—112].

«В описании святых перепутано все, — замечает Н.В. Корниенко, — однако в очень строгой логике московского журнала „Безбожник“, авторы которого не утруждали себя тонкостями в житиях великих подвижников веры и благочестия...: святителя Питирима Тамбовского, преподобного Серафима Саровского, святителя Феофана Затворника... Однако московская путаница... просветит за выдуманым Градовым его реальный прообраз — Тамбов, который в 1920—1921 годах ответит на продразверстку и осквернение мощей святых... широким крестьянским восстанием, подавить которое смогли только части регулярной Красной Армии» [8. С. 105].

Возвращаясь к теме травестирования, напомним, что в соответствии с традиционным агиографическим «трафаретом» герой, как правило, ведет уединенный аскетический образ жизни, не ведая иных влечений, кроме служения Богу,

даже в мелочах оставаясь верным своему отпущенному свыше предназначению. И у Шмакова нет иного предмета поклонения, кроме государства: «Отношений к людям, кроме служебных, он не знал... уклонился от брака и не усложнял историю потомством...» [9. С. 141].

Подчас его рвение принимает комические формы, но и в них сохраняются стилистические и смысловые намеки на житийный жанр, послуживший источником травестирования: «Он любил служебное дело настолько, что дорожил даже крошками неизвестного происхождения, затерянными в ящиках его письменного стола как неким царством покорности и тщетности» [9. С. 141].

По законам агиографии герой должен исполнять на земле свое небесное предназначение, борясь с искушениями. Эта модель поведения также «имеется в виду» Шмаковым. Словно оглядываясь на агиографический «графарет», чиновник думает, «не пора ли ему отправиться в глухой скит, чтобы дальше не скорбеть над болящим миром» [9. С. 159]. Но обосновывает эту перспективу прибывший из Москвы «человек системы» странной «греховностью» окружающего мира — тот никем «не удостоверен» как объект канцелярского делопроизводства, следовательно, живет «не по уставу»: «...мир официально никем не утвержден и, стало быть, юридически не существует. А если бы и был утвержден и имел устав и удостоверение, то и этим документам верить нельзя, так как они выдаются на основании заявления, а заявление подписывается «подателем сего», а какая может быть вера последнему? Кто удостоверит самого «подателя», прежде чем он подаст заявление о себе?» [9. С. 159].

И здесь, и далее элементы жития травестируются языком делопроизводства.

Ту же тенденцию продолжает безвременная смерть Шмакова. Чиновник «умер от истощения на большом социально-философском труде: «Принципы обезличения человека с целью перерождения его в абсолютного гражданина с законно упорядоченными поступками на каждый миг бытия»» [9. С. 168].

Но вместо посмертных чудес, обязательных для жития, в повести графически выделен заменяющий их фрагмент текста — на доме, где прежде находился уездный исполнительный комитет, «висит вывеска „Градовский сельсовет“».

Перед этим домом «каждый день нарочно гуляет» Бормотов, чтобы в очередной раз не поверить «глазам своим — тем самым глазам, которые некогда были носителями неуклонного государственного взора» [9. С. 169].

Здесь с помощью устойчивых штампов «канцелярского» языка спародирован мотив «агиографического изумления» от неисповедимо как явленного «чуда», в котором пародийный контекст, конечно же, не позволяет усматривать проявление высшей воли.

Все сказанное позволяет заключить, что элементы агиографии и «Великого канона» Андрея Критского в «Городе Градове» переосмыслены с травестийным заданием. Писателем избран этот способ сатирического опротестования «темной сложности губернских бумаг», скрывающей силу бюрократии и ее попытки использовать внешние атрибуты достойной подражания «справедной» жизни для достижения социально опасных, пагубных целей.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Адрианова-Перетц В.П.* У истоков русской сатиры // Русская демократическая сатира XVII века. — М.: Наука, 1972.
- [2] *Антонова Е.* «Безвестное и тайное премудрости...» (Догматическое сознание в творчестве А. Платонова // «Страна философов» Андрея Платонова: проблемы творчества. Вып. 2. — М.: Наследие, 1995.
- [3] *Бухарин Н.* Культурные задачи и борьба с бюрократизмом // Революция и культура. — 1927. — № 2.
- [4] *Верин В.А.* Сатирический дебют Андрея Платонова (О повести «Город Градов») // Филологические науки. — 1979. — № 4.
- [5] *Красовицкая М.С.* Богослужение будних дней св. Четыредесятницы. Чтение покаянного канона прп. Андрея Критского в первые дни Великого поста. — URL: http://azbyka.ru/knigi/krasovitskaya_liturgika_15-all.shtml
- [6] *Кройчик Л.Е.* Особенности сатиры А. Платонова («Город Градов») // Творчество А.П. Платонова. Статьи и сообщения. — Воронеж: Изд-во ВГУ, 1970.
- [7] *Кройчик Л. Е.* Усомнившийся Платонов // Ямская слобода: Опыт губернского литературного процесса. Отделение третье. — Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2012.
- [8] «Меня убьет только прямое попадание по башке». Материалы к творческой биографии Андрея Платонова. 1927—1932. Публикация М.А. Платоновой. Подготовка текста и очерк творчества Н. В. Корниенко // Новый мир. — 1993. — № 4.
- [9] *Платонов А.* Епифанские шлюзы. — М.: Молодая гвардия, 1927.
- [10] *Платонов А.П.* Взыскание погибших. Повести. Рассказы. Пьеса. Статьи / Сост. М.А. Платоновой; Вступ. ст. С.Г. Семенов; Биохроника, коммент. Н.В. Корниенко. — М.: Школа-Пресс, 1995.
- [11] *Шубин Л.* Градовская школа философии // Андрей Платонов: Мир творчества. — М.: Современный писатель, 1994.

LITERATURA

- [1] *Adrianova-Pereti V.P.* U istokov russkoi satiry // Russkaya demokraticeskaya satira XVII ve-ka. — M.: Nauka, 1972.
- [2] *Antonova E.* “Bezvestnoe I tainoe premudrosti...” (Dogmaticeskoe soznanie v tvorchestve A. Platonova) // “Strana filosofov” Andreyra Platonova: problem tvorchestva. Vyp. 2. — M.: Nasledie, 1995.
- [3] *Bucharin N.* Kul’turnye zadachi I bor’ba s byurokratizmom // Revolyutsia I kul’tura. — 1927. — № 2.
- [4] *Verin V.A.* Satiricheskiy debyut Andreyra Platonova (O povesti “Gorod Gradov”) // Filologicheskie nauki. — 1979. — № 4.
- [5] *Krasovitskaya M.S.* Bogosluzhenie budnich dnei sv. Chenyredesyatnitsy. Chtenie pokayannogo kanona prp. Andreyra Kritckogo d pervye dni Velikogo posta. — URL: http://azbyka.ru/knigi/krasovitskaya_liturgika_15-all.shtml
- [6] *Kroichik L.E.* Osobennosti satiry A. Platonova (“Gorod Gradov”) // Tvorchestvo A. Platonova. Stat’i i soobsheniya. — Voronej: VGU, 1970.
- [7] *Kroichik L.E.* Usomnivshiisya Platonov // Yamskaya sloboda: Opyt gubernskogo literaturnogo processa. Otdelenie tret’e. — Voronej: Tsentr duchovnogo vozrojdeniya Chernozemnogo kraja, 2012.
- [8] “Menya ub’et tol’ko pryamoe popadanie po bashke”. Materialy k tvorcheskoi biografii Andreyra Platonova. 1927—1932. Publikatsiya M.A. Platonovoi.
- [9] *Platonov A.* Epifanskiye shlyuzy. — M.: Molodaya gvardiya, 1927.

- [10] *Platonov A. Vyzyskanie pogibshich. Povesti. Rassказы. P'esa. Stat'I / Sost. M.A. Platonova; Vstup. st. S.G. Semenovoi; Biochronika, comment. N.V. Kornienko. — M.: Shkola-Press, 1995.*
- [11] *Shubin L. Gradovskaya shkola filosofii // Andrey Platonov: Mir tvorchestva. — M.: Sovremennyi pisatel', 1994.*

TRAVESTYING THE ECCLESIASTICAL CANON AND HAGIOGRAPHICAL PATTERN IN ANDREY PLATONOV'S "GOROD GRADOV"

O.U. Aleinikov

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The paper scrutinizes the peculiarities of travestyng some elements of the "Great Canon of St. Andrew of Crete" and patterns of the Lives of Saints in Andrey Platonov's "Gorod Gradov". An attempt is made at disclosing the creative strategies chosen and implemented by the writer.

Key words: travestyng, ecclesiastical genres, hagiographic pattern, fictional text, Platonov's prose, creative strategies.